

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

РОЖДЕНИЕ МИФОВ ОБ ИЗБРАНИИ РОМАНОВЫХ НА ЦАРСТВО И ИХ
ПРИВЕРЖЕННОСТИ К СТАРИНЕ • ЗАВЕЩАНИЕ ПЕТРА I И ДРУГИЕ
ЗАГАДКИ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ • СЕРДЕЧНЫЕ ТАЙНЫ ИМПЕРАТРИЦ
• ЛЖЕ-РОМАНОВЫ, ИЛИ ЗАГАДКИ 230 САМОЗВАНЦЕВ • ПРИГОВОРЕННЫЕ
ЗЛЫМ РОКОМ • СУДЬБА ДОМА РОМАНОВЫХ В ЭМИГРАЦИИ

Загадки истории (Фолио)

Валентина Склярeнко
Династия Романовых

«ОМІКО»

2013

Скляренко В. М.

Династия Романовых / В. М. Скляренко — «ОМІКО»,
2013 — (Загадки истории (Фолио))

Династия Романовых, одна из самых молодых в Европе, правила в России 304 года. По меркам всемирной истории – не так уж много. Но, наверное, важнее не то, как долго ее представители находились на престоле, а то, чем стали для развития страны эти три столетия. А их, без всяких сомнений, можно считать весьма важными и значительными. За это время на российском престоле сменилось 18 монархов. О судьбах и деяниях каждого из них написано огромное количество исторических и художественных сочинений. Но как бы много ни писалось об этих монархах, их биографии по-прежнему изобилуют «белыми пятнами» и загадками. О Смуте на Руси и борьбе за царский престол, о том, как «худородные» Романовы стали преемниками Рюриковичей, о завещании Петра I и сердечных тайнах императриц, о загадках 230 самозванцев и проклятии русских царей, о судьбе Дома Романовых в эмиграции и о представителях Российского Императорского Дома сегодня – об этом и о многом другом рассказывается в нашем издании.

© Скляренко В. М., 2013

© ОМІКО, 2013

Содержание

Романовы: от Ипатьевского монастыря до Ипатьевского дома	5
Рождение мифов	7
Смута на Руси, или борьба за царский престол	9
Как «худородные» Романовы стали преемниками Рюриковичей	15
Избрание или сговор?	18
«Благоверен, зело кроток же и милостив»	23
Царская женитьба – дело государственное	26
Первые шаги самой молодой династии Европы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В. М. Складенко, В. В. Сядро, И.А. Рудычева

Загадки истории. Династия Романовых

Романовы: от Ипатьевского монастыря до Ипатьевского дома

Династия Романовых, одна из самых молодых в Европе, правила в России 304 года. По меркам всемирной истории – не так уж много. Но, наверное, важнее не то, как долго ее представители находились на престоле, а то, чем стали для развития страны эти три столетия. А их, несомненно, можно считать весьма важными и значительными. Да и может ли быть другое мнение, если даже такой откровенный противник династии, как историк Ф. И. Гримберг, признает: «...в период правления Романовых формируется окончательно русская народность, а затем и национальность, четко оформляется русская государственность, выходит на мировую арену русская культура».

За это время на российском престоле сменилось 18 монархов. О судьбе и деяниях каждого из них написано огромное количество исторических и художественных сочинений. В них есть все: и «писанная история» с точки зрения правящей династии Романовых, и более поздние толкования советской поры (как ни странно, и то и другое ужилося между собой и стало для нас хрестоматийным), и подлинные документальные свидетельства, и... неприкрытый вымысел, мифы и легенды. А это может быть потому, что как бы много ни писалось об этих монархах, их биографии по-прежнему изобилуют «белыми пятнами» и загадками. За 96 лет, минувших с момента свержения династии, их количество не только не уменьшилось, а даже увеличилось. В частности, после обнаружения останков Николая II и его семьи остаются до конца не выясненными вопросы их идентификации, обстоятельств гибели и многое другое.

Сколько еще потребуется времени, чтобы разгадать все «романовские» загадки, неизвестно. Да и будут ли некоторые из них разгаданы вообще? Тем более что немало исследователей истории династии находят в ней одни и те же странные, не поддающиеся объяснению, чуть ли ни мистические совпадения. О них упоминает, к примеру, Э. Радзинский в книге «Господи, спаси и умири Россию»: «Мистика истории: Ипатьевским назывался монастырь, откуда первый Романов был призван на царство. И дом, где расстался с жизнью последний царствовавший Романов – Николай II, – назывался Ипатьевским по имени владельца дома инженера Ипатьева.

Михаил – имя первого царя из Дома Романовых и имя того последнего, в чью пользу безуспешно отрекся от престола Николай II».

Другой российский историк, петербургский писатель и исследователь Н. М. Коняев, автор книги «Романовы. Расцвет и гибель династии», пишет: «Больше всего поражает в династии Романовых выстроенность ее по законам кристаллической симметрии. Это как бы некий кристалл, в котором заключена судьба России...».

Ось его проходит через правление Петра II. И не только потому, что Петр II – последний прямой наследник русского престола по мужской линии. Позади Петра II – правления, в которых Романовы, независимо от того, прорывались они к верховной власти или осуществляли эту власть, отличались удивительной энергетикой или, как принято говорить сейчас, пассионарностью.

Впереди – правления еще одиннадцати Романовых, не совсем Романовых и совсем не Романовых, правивших под фамилией Романовых... Жестокость и деспотизм можно обнаружить и в этих самодержцах, но присущей первым Романовым пассионарности в них уже нет.

Так и возникает кристаллическая симметрия...»

Особенно таинственной, отмеченной некими мистическими символами представляется исследователям судьба некоторых российских императоров, начиная от Павла I и кончая Николаем II. И все же реалистичных версий, развенчивающих вековые мифы и объясняющих загадочные события, у создателей истории династии Романовых гораздо больше. Преимущественно о них и пойдет речь в этой книге.

Рождение мифов *Об избрании Романовых на царство* *и их приверженности к старине*

«Королями не рождаются. Ими становятся вследствие всеобщего заблуждения». Это утверждение выдающегося английского писателя и драматурга Бернарда Шоу выглядит особенно убедительным относительно первого представителя царской династии Романовых. Хотя со времени ее основания прошло 400 лет, историки и поныне задают себе вопрос: как семнадцатилетний Михаил Романов, потомок «худородных» бояр, смог обойти в состязании за царскую власть родовитые знатные кланы и стать русским самодержцем, родоначальником царственной династии, считавшей себя правопреемницей Рюриковичей? Ответы на него даются самые разные, нередко противоречивые и спорные. И это не мудрено, ибо, чтобы понять и правильно оценить все обстоятельства его воцарения, исследователям, с одной стороны, приходится ломать голову над загадками, оставленными предшественниками, а с другой – критически анализировать и осмысливать исторические документы и труды, составленные во времена правления Романовых. А они, как правило, представляли лишь официальную точку зрения на происходившие события.

Не секрет, что многие русские историки, в том числе и такие крупнейшие, как Татищев, Устрялов, Карамзин, Ключевский и Соловьев, в сущности, писали историю государства, в которой все было оценено и интерпретировано с апологетической точки зрения правящей царской династии. Как тут не вспомнить слова французского философа и писателя XVI века Мишеля де Монтеня, который отмечал, что «... народам приходится не только терпеть, но и прославлять любые поступки своих властителей», а уж об историках и говорить нечего. А блистательный создатель «Истории государства Российского» Николай Карамзин и вовсе утверждал, что «история народа принадлежит царю», и мечтал довести свой главный труд до 1613 года и закончить его главой-апофеозом, посвященной избранию царя Михаила и началу династии Романовых.

«Романовская концепция русской истории» строилась на основе двух важнейших концептуальных положений: «великой державе – великое прошлое» и «великим правителям – великих предшественников». Великими правителями были конечно же представители династии Романовых, а среди не менее великих предшественников историки особенно выделяли знаменитых потомков Рюриковичей – Александра Невского и Ивана Грозного. Но, несмотря на всю колоритность и значимость этих политических фигур, все предшествовавшие правлению Романовых века согласно этой концепции преподносились как некая предыстория их прихода.

За три столетия правления династии Романовых сформировалось множество легенд и мифов, которые, по образному выражению писателя Н. М. Коняева, «вращивались в историю, как исторические факты, а подлинные события, невыгодно рисуящие роль Романовых, старательно замалчивались и искажались». Такая трактовка оказалась настолько живучей, что пережила и падение дома Романовых, и революцию, и десятилетия советской власти, несмотря на то, что была предана большевиками «официальной анафеме». В XX веке ее лишь слегка подредактировали: вместо воспевания деяний государей в истории стали доминировать факты угнетения ими народа, особое внимание было уделено выступлениям народных масс против самодержавия.

Тенденциозный подход, идеологические наслоения и следование политическим требованиям современности, характерные для исторических исследований, как во времена правления династии Романовых, так и в годы советской власти не только исказили подлинную российскую историю, но и оставили без ответов многие вопросы, касающиеся личности и характера дея-

тельности отдельных ее представителей. До сих пор их жизнь и царствование содержат немало загадок. И первой среди них по праву можно считать обстоятельства избрания Михаила Романова на царство: было ли оно действительно вольным волеизъявлением или сговором представителей знатных кланов? Но чтобы найти истинное объяснение загадочному воцарению на престоле юноши из «худородных» бояр, надо разобраться в бурных событиях Смутного времени – междоусобицы, наступившего в 1598 году после кончины сына Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича, не оставившего после себя законного наследника.

Смута на Руси, или борьба за царский престол

Период в русской истории, известный под названием Смутного времени, длился с 1598-го по 1613 год. Он ознаменовался отчаянной борьбой за царскую власть многочисленных законных и незаконных претендентов на российский престол. Она вместила в себя целый калейдоскоп событий, состоявший из заговоров, убийств и военных противостояний. Свидетельством накала этой борьбы стали количество жаждущих завладеть царской короной (их было более 10), мятежи, переросшие в гражданскую войну, и интервенция со стороны других держав, заявлявших о своих претензиях на Московское царство. Одними из активных участников этих драматических событий были и бояре Романовы, которые сумели утвердиться и занять важные позиции на подступах к трону.

Еще при жизни Федора Иоанновича все были уверены, что русский престол унаследует младший сын Ивана Грозного, малолетний царевич Дмитрий. Но, как известно, 15 мая 1591 года он был убит в Угличе. Поэтому, по свидетельству московского родослова XVIII века, инока Ювеналия, сославшегося на князя Хилкова, накануне смерти Федор Иоаннович решил назначить своим преемником двоюродного брата – Федора Никитича Романова, но тот... отказался. Точно так же поступил и его брат Александр Никитич. Так ли это было – достоверно неизвестно, но некоторые историки считают, что Романовы впоследствии сами распространили слух о том, что Федор завещал царство «Никитичам», давая тем понять другим претендентам, что они, как «сородичи царскому корени по сочетанию брака», имеют права и могут вступить в борьбу за русский престол.

Официально же в своем духовном завещании Федор Иоаннович передал власть жене – царице Ирине. Она могла бы стать первой в русской истории полноправной женщиной-монархом, если бы также не отказалась от этой высокой чести, уйдя в монастырь. Вот тогда-то и заявил о себе первый претендент на российскую корону – шурин царя Федора Иоанновича, боярин Борис Годунов. Он, как впоследствии и Михаил Романов, по свидетельству летописей, «сел на царском своем престоле» после избрания на Земском соборе. Вот только с проведением этого «всенародного» собрания не все было гладко. Некоторые историки утверждают, что вопрос о его избрании решался прямо на городских площадях, по которым ходили сторонники разных противоборствующих сил и агитировали за своих кандидатов. Обсуждала его и Боярская дума, но члены ее, переругавшись между собой, к единому мнению не пришли. Тем временем посланцы Земского собора, которым управлял ставленник Бориса Годунова, патриарх Иов, подбили народ на то, чтобы идти в Новодевичий монастырь и просить боярина принять корону.

Чтобы воспрепятствовать воцарению Годунова, боярская оппозиция во главе с Богданом Бельским попыталась организовать переворот в пользу татарского хана Симеона. Но наступавшей на Москву Крымской Орды Годунов сумел поднять чуть ли не пол-России и не оставил крещенному татарину никаких шансов на власть. 30 апреля 1598 года царя Бориса уже торжественно встречали в столице. Вскоре после воцарения он, как водится, разобрался со своими союзниками и противниками, одних наградив, других отправив в ссылку. В частности, он ввел в Боярскую думу всех братьев Романовых (ранее туда входил только Федор Никитич), обласканными царской милостью оказались и их близкие родственники. А первой жертвой жестокой расправы Годунова с боярской оппозицией стал его свояк Богдан Бельский: у него были отобраны все вотчины.

Семилетнее правление царя Бориса (1598—1605) оказалось несчастливym. По свидетельствам современников, находясь на престоле, он «не царствовал, но болел». Недуги настолько одолевали Годунова, что последние пять лет своего царствования он почти не покидал Кремлевского дворца, а когда все же выходил к народу, то все замечали, с каким тру-

дом он ходит, подволакивая ногу. Но дело было не только в состоянии здоровья царя. Народ его невзлюбил, считая главным виновником смерти царевича Дмитрия, а знать разделилась на несколько враждующих группировок, каждая из которых желала видеть на троне своего ставленника. Именно в недрах боярского заговора и готовилось «тайное оружие» против Годунова – самозванец Гришка Отрепьев, бывший холоп Романовых, присвоивший себе имя убиенного сына Ивана Грозного. Узнав о тайных замыслах облагодетельствованных им коварных родственников, царь Борис начал расправу. В ночь на 26 октября 1601 года стрельцами был подожжен дом бояр Романовых. Федора Никитича заключили в Антониево-Сийский монастырь неподалеку от Холмогор и насильно постригли в монахи. Почти все ближайшие слуги Романовых были казнены.

Но и после репрессий народная молва продолжала полниться слухами о том, что царевич якобы жив и скоро вернется в Москву, чтобы занять престол. Это создавало беспокойную политическую обстановку в стране, которая вскоре усугубилась тяжелым экономическим положением: в 1601—1603 годах в результате неурожая Россию постиг большой голод и моровая язва, унесшие до трети населения, внутренние области обезлюдели, народ обнищал и не мог платить податей, государственная казна была пуста. Чтобы накормить народ, Годунов велел открыть царские житницы и продавать хлеб по низкой цене. Но богачи тут же стали скупать его и спекулировать, а люди по-прежнему продолжали умирать от голода. На фоне этих трагических событий, словно из смрада гниющих мертвых тел, и возникла зловещая тень царевича Лжедмитрия I.

Появление этого самозванца было опасно не только тем, что его поддерживала часть русских бояр, но и Речь Посполитая, стремившаяся расширить свою территорию за счет русских земель. Польский король Сигизмунд III сразу же признал Лжедмитрия I русским наследником. За обещание ему Смоленска и Северской земли, а также за введение в Московском государстве католицизма он неофициально разрешил всем желающим помогать «царевичу». И уже 13 октября 1604 года возглавляемые Лжедмитрием I польские отряды вступили в пределы Московского государства. В условиях возрастающего народного недовольства, даже несмотря на серьезные поражения самозванца от правительственных войск, удача сопутствовала ему, и русский царь уже не мог совладать с надвигающейся интервенцией.

13 апреля 1605 года Борис Годунов внезапно скончался. По поводу его скоропостижной смерти по стране сразу же поползли самые разные слухи. Говорили, что он то ли упал с трона во время официального приема, то ли принял яд от безысходного положения в войне с поляками. Но исторические источники описывают его кончину совсем иначе: «Царю Борису, ставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновитесь и постричи, и два часа в той же болезни и скончашь». Учитывая стремительность развития недомогания и то, что перед кончиной у Годунова открылось кровотечение и отнялся язык, историки склоняются к мнению о том, что он был отравлен.

Сыну Бориса Годунова царю Федору после смерти отца удалось продержаться на троне только два месяца. Против него созрел заговор во главе с рязанским дворянином Прокопием Ляпуновым, который перешел на сторону Лжедмитрия I. 9 июня 1605 года молодой царь был задушен убийцами, подосланными приверженцами самозванца. А 20 июня Лжедмитрий вошел в Москву и вскоре был помазан на престол, став, таким образом, законным царем. Всех бояр, репрессированных при Годунове, он вернул из ссылки, возвратив им имущество. Особо облагодетельствованы были Романовы: Ивану Никитичу самозванец даровал боярство, а Федора Никитича возвел в сан ростовского митрополита.

После воцарения Лжедмитрий I начал проводить некоторые реформы: в стране были объявлены свобода торговли, промыслов и ремесел, свобода передвижения. Всем служилым людям вдвое увеличили жалованье, ужесточилось наказание судей за взятки. Патриарх и архиереи получили постоянные места в Боярской думе. Улучшилось положение крестьян. Нача-

лось ускоренное производство оружия, и появилась идея покорения Крыма. А вот о территориальных уступках и переходе к католицизму, обещанных Сигизмунду III, новый царь как-то сразу забыл. Многие тогда отмечали, что он совершенно не жесток, а временами даже слишком добр. А гуманисты на русском престоле никогда не выживали. И вскоре среди бояр, отстраненных Лжедмитрием I от управления, созрел против него заговор. Самозванец был нужен им только для того, чтобы избавиться от Бориса Годунова, а теперь они ждали подходящего случая, чтобы убрать и его самого. Князья Шуйские и Голицыны сообщили Сигизмунду III о намерении свергнуть самозванца и посадить на его место сына короля – Владислава. Надо сказать, что положение самого Сигизмунда III тогда было довольно шатким. Польская оппозиция намеревалась предложить корону Речи Посполитой... Лжедмитрию I. Таким образом, вчерашний союзник превратился для польского короля в соперника. Теперь интересы русских бояр и Сигизмунда III в отношении самозванца совпали, и его нужно было скорейшим образом устранить.

Заговорщики не заставили себя ждать. 8 мая 1606 года, в день свадьбы Лжедмитрия I с дочерью сandomирского воеводы Юрия Мнишека Мариной, в столицу прибыли польские войска. Поляки позволили себе разные бесчинства. Воспользовавшись этим, заговорщики в ночь на 17 мая ударили в набат и объявили народу, что «ляхи» бьют царя. Пока стрельцы разбирались с поляками, заговорщики ворвались в Кремль. Царь попытался спастись, но, спрыгнув с 13-метровой высоты, повредил ногу. Его тут же захватили люди Шуйского и убили. По одним данным, тело самозванца сожгли и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел в Москву. По другим – труп уже после избрания царем Василия Шуйского привязали к лошади, выволокли в поле и закопали у дороги. И только после того как в народе пошли слухи о том, что над могилой стало появляться голубое свечение, останки самозванца выкопали и сожгли. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Сказка о чудесном спасении Дмитрия, теперь уже от рук заговорщиков, вскоре снова повторилась. И бороться с «чудесно спасенным» пришлось уже новому царю – Василию Шуйскому.

Избрание на престол боярина старинного русского рода для всех (кроме, конечно, его самого) произошло довольно неожиданно. Исторические источники сообщают о том, что после расправы над Лжедмитрием I Боярская дума два дня заседала, но так и не выбрала достойного на царствие. Вышедших после утомительных дебатов на Красную площадь бояр встретила толпа народа с криками: «Василия Шуйского на царство!» Напор митингующих был настолько сильным, что боярам ничего не оставалось, как согласиться на эту кандидатуру. Несомненно, что эта «избирательная кампания» была организована и проплачена самим Шуйским, имевшим огромное влияние в Москве. Чтобы скрыть факт подкупа «крикунов», сразу же после воцарения он начал рассылать по стране грамоты, свидетельствующие о том, что его избрали по решению всероссийского собора. Подданные удивлялись им, поскольку никаких представителей в Москву на собор не посылали, но предпочитали помалкивать. А вот в лице большинства бояр, видевших в царе Василии выскочку, а также среди польской шляхты, десятков тысяч «гуляющих людей», воевавших под знаменами Лжедмитрия I, и крестьянства он сразу же нажил себе массу врагов. Новому царю отказались повиноваться почти все юго-западные и южные города от Путивля до Кром, восстала Астрахань. По сути, в стране разворачивалась гражданская война.

Для предотвращения появления под именем Дмитрия новых самозванцев Василий Шуйский приказал перенести в Москву мощи убиенного царевича, которого церковь причислила к лику святых. Но народ уже сомневался в их подлинности, ибо по стране настойчиво бродили слухи о якобы «воскрешении» Лжедмитрия I. Исходили они от появившегося в июне 1607 года в городе Стародубе-Северском человека, назвавшегося Андреем Нагим, родственником последней жены Ивана Грозного. Когда же его жители, угрожая пришельцу пыткой, потребовали указать им царя, то он сам объявил себя Дмитрием и, как ни странно, был сразу

торжественно признан. На сторону нового самозванца стали переходить ближайшие города, а вскоре у него появилось и войско. Дело в том, что под знамя Лжедмитрия II стали стекаться поляки – участники мятежа против короля Сигизмунда III, поддерживавшие Лжедмитрия I, которые после его поражения не могли вернуться домой под страхом смертной казни. Среди них были будущие гетманы Маховецкий и Рожинский, воеводы Хмелевский и Адам Вишневецкий, а также приведший пятитысячный отряд запорожцев Заруцкий. Они хорошо знали, что «царь» был ненастоящим, и под именем Дмитрия на этот раз выступал крещеный еврей Богданко (Богдачко), служивший помощником попа в городе Шклове, а затем учительствовавший в Могилеве. Но, сделав слабовольного Лжедмитрия II игрушкой в своих руках, они могли добиться личных целей и поэтому поддержали его.

Однако новый самозванец был ставленником вовсе не польских магнатов, а своих же, русских, которые организовали новый мятеж, чтобы сместить «выкрикнутого» толпой Шуйского. Центром его стал Путивль. Из него по всей стране рассылались грамоты, призывающие к борьбе с Шуйским. Вождем мятежа стал казачий атаман Иван Болотников, который получил от Лжедмитрия II грамоту о назначении его главным воеводой путивльского войска. С ним он отправился к Москве. Хотя историки долгое время называли поход Болотникова первой крестьянской войной в России, в его войске было не так уж много крестьян. В основном оно состояло из дворян и служивого люда. Летом 1607 года мятежникам удалось разгромить правительственную армию и осадить столицу. Пять недель болотниковцы терзали москвичей голодом и артобстрелами, но взять Москву так и не смогли и вынуждены были отойти к Калуге.

Василий Шуйский поначалу недооценил угрозу от нового самозванца. Только 10 октября 1607 года его войска взяли Тулу, где находились остатки повстанческой армии Болотникова, но вместо того, чтобы двинуться на самозванца и разбить его, они торжественно вернулись в Москву. В результате весной 1608 года царские войска были разбиты Лжедмитрием II под городом Болховом. Тогда царь выслал против него два отряда под командованием своего племянника Михаила Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. Но в них оказались предатели: князя Юрий Трубецкой, Иван Катырев и Иван Троекуров (двое последних были родственниками Романовых) вошли в число заговорщиков, хотевших примкнуть к самозванцу. Их схватили, но напуганный заговором царь велел войскам, не принимая сражения, вернуться в Москву.

Между тем 11 июня 1608 года войско Лжедмитрия II остановилось лагерем в подмосковном селе Тушино, которое стало его временной столицей. Здесь самозванец создал свой дворцовый штат, Боярскую думу, в которую вошли князья Трубецкие, Михаил Салтыков и многие родственники Романовых. Появился у Лжедмитрия II и свой патриарх – им стал захваченный в плен в Ростове митрополит Филарет (в миру Федор Романов), который признал в самозванце законного государя. Таким образом, в стране фактически сложилось двоевластие: царь Василий был не в силах справиться с тушинцами, а Лжедмитрий II не мог взять Москву. Военные столкновения не давали результата ни той, ни другой стороне.

В этих обстоятельствах немаловажным событием стало подписание Шуйским в июле 1608 года перемирия с поляками на четыре года, по которому оба государства оставались в прежних границах и обязывались не помогать самозванцам. Польский король должен был отозвать из Руси всех поляков, а царь – отпустить всех поляков, захваченных в мае 1606 года в Москве. Юрию Мнишеку предписывалось не признавать своим зятем Лжедмитрия II, дочь свою ему не выдавать, а ей самой – не называться московской государыней. Но вскоре отец и дочь Мнишеки очутились в Тушино. Марина «узнала мужа», что значительно укрепило позиции самозванца.

Тем не менее не все складывалось для Лжедмитрия II так уж удачно. Немного спустя обстановка начала меняться не в его пользу. Из Москвы шли воззвания, призывающие бороться за царя Василия и православную веру, попираемую «латынами» и «ворами». Жесто-

кость и насилие тушинских воевод, назначенных самозванцем и усиленно выколачивающих из населения различные сборы, идущие в основном в их карман, переполнили чашу терпения. К концу 1608 года в Поволжье началось восстание против Тушинского вора (так прозвали Лжедмитрия II в народе). Со своей стороны, для борьбы с ним царь Василий обратился за помощью к шведскому королю, пообещав за это Швеции отказаться от Ливонии и Корелы. Прибытие весной 1609 года пятитысячного отряда шведов позволило М. Скопину-Шуйскому более решительно действовать против самозванца: от его войск были освобождены Тверь, Переяславль и Александровская слобода. Но появление на политической сцене Швеции одновременно дало повод Сигизмунду III открыто начать войну против Московского государства. Однако теперь польский король уже не намеревался поддерживать «законную царицу» Марину Мнишек. Пользуясь смутой, он надеялся посадить на московский престол своего сына Владислава.

Вторжение польского войска привело к полному разладу в стане самозванца. Власть в нем окончательно перешла к полякам во главе с Рожинским, а Лжедмитрий II и Марина Мнишек фактически превратились в пленников. В конце декабря 1609 года в Тушино начались переговоры с королевскими послами, в которых участвовал патриарх Филарет. Самозванца на них не допустили, да еще пригрозили расправой. Испугавшись, он переоделся в крестьянскую одежду и бежал в Калугу. 4 февраля 1610 года под Смоленском тушинцы подписали договор о передаче власти Владиславу, а в марте Рожинский поджег тушинский лагерь и двинулся навстречу Сигизмунду III.

Между тем русско-шведское войско во главе с Михаилом Скопиным-Шуйским 12 марта с триумфом вошло в Москву. Толпа народа вышла встречать героя с хлебом-солью, назвав его освободителем и спасителем отечества. Сам царь прилюдно обнял и расцеловал князя. Но вскоре его отношение к прославленному родственнику резко изменилось. Дело в том, что после разгрома мятежников стали поговаривать о том, что этот талантливый полководец мог бы успешно сменить на престоле нынешнего царя. А тут еще Василию Шуйскому нагадали, что после него будет царствовать на Руси царь Михаил (теперь-то мы знаем, что им действительно стал Михаил, но не Шуйский, а Романов). Все это конечно же не прибавило князю царской любви. Соперника надо было срочно устранить. И уже 23 апреля Скопин-Шуйский был отравлен. На его похоронах царь лил слезы и громко причитал от горя (ведь, будучи бездетным, он потерял не просто племянника, а единственного наследника престола), но в его искренность никто не верил.

А дальше – все покатилося, как с горы. 24 июня русско-шведское войско потерпело поражение от поляков у деревни Клушино. А в самой Москве созрел заговор против царя Василия, направляемый Филаретом Романовым. В результате 17 июля 1610 года его свергли, насильно постригли в монахи и спровадили в Польшу, где он 12 сентября 1612 года скончался при странных обстоятельствах: по официальной версии, смерть его произошла «нужным страданием». В действительности историки единодушно полагают, что Шуйский и все находящиеся с ним в Польше родственники были один за другим убиты, чтобы не осталось нежелательных претендентов со стороны этого рода на русский престол.

После свержения Шуйского власть в Московском государстве перешла к боярскому правительству – Семибоярщине, которое заключило договор с Сигизмундом III, признававший русским царем его сына – 15-летнего королевича Владислава. В ночь на 21 сентября 1610 года бояре предательски впустили в Москву польские войска. Но, несмотря на то что москвичей под угрозами заставили присягнуть поляку, занять русский престол он так и не смог. Насильственно «избранный» иноземец был чужд россиянам. К тому же получившие реальную власть польские военачальники и их пособники из русских бояр стали по всей стране творить беззаконие: обирать население, резать скот, сжигать города и села, зверски убивать и угонять в плен жителей, издеваться над православной церковью и русскими обычаями. В ответ на это

в народе зазвучали призывы к свержению польского гнета: «Мы по глупости выбрали ляха в цари, однако ж не с тем, чтобы идти в неволю к ляхам; время разделаться с ними!» Крестьяне и служилые люди стали собираться в шайки и повсеместно нападать на поляков. В рязанской земле этот бродячий люд стекался в отряды «вольного донского атамана» Ивана Заруцкого, который все еще поддерживал «истинного» царя Лжедмитрия II. Правда, было это недолго: когда 11 декабря 1610 года тот был убит на охоте татарин Урусовым, атаман, прихватив его беременную «жену» Марину, бежал в Астрахань. Там у самозванной царицы родился сын Иван – плод ее любви то ли с Лжедмитрием II, то ли с донским атаманом.

Тем временем на северо-западе страны объявился еще один враг – шведы. Но когда они пришли в древний Новгород, то жители его, уставшие от безвластия, боярских междоусобиц и не признававшие польского королевича русским царем, были склонны к тому, чтобы их государем стал сын шведского короля Густава Адольфа – принц Карл Филипп. Таким образом, к осени 1611 года значительная часть России на западе и северо-западе оказалась в руках иностранцев. Страна не имела ни центрального правительства, ни армии, ни материальных средств и, по сути, стояла у черты, за которой ей угрожала потеря государственной независимости. И тогда спасением для нее стала организация нижегородским посадским Кузьмой Мининым народного ополчения. А возглавил его один из лучших военачальников того времени, известный своей храбростью и честностью, – князь Дмитрий Пожарский. Нижегородское войско, ядром которого были посадские и служилые люди, соединившись с казацким войском князя Трубецкого, быстро превратилось в общерусское. Весной 1612 года оно двинулось на Ярославль, а через четыре месяца, значительно увеличившись и окрепнув, отправилось в поход на Москву. 24 августа ополченцы разгромили на подступах к столице армию гетмана Ходкевича, спешившего на помощь польскому гарнизону в Кремле, и начали длительную осаду города.

Несмотря на многочисленные предложения сдаться, осажденные поляки не хотели оставлять Москву. Они все еще надеялись на подход обещанных Сигизмундом III войск и с маниакальным упорством ждали его самого. Королевские полки уже вторглись в русские пределы, но безнадежно увязли где-то на Среднерусской возвышенности. Между тем припасы в Кремле кончились, и осажденным пришлось сначала перейти на подножный корм – от травы и кореньев до кошек, собак и крыс, – а затем дело дошло... до каннибализма и поедания трупов, которые засаливались в бочках¹. Но и трупов уже на всех не хватало, и солдаты стали драться из-за них, устраивать судебные процессы, в которых один жаловался на другого за то, что тот... съел его родственника, которого по праву должен был съесть он сам. Все эти ужасы закончились 22 октября, когда войска Дмитрия Пожарского наконец взяли Китай-город и выбили поляков из Кремля. Получив известие об этом, польский король выслал к Москве отряд в 1000 человек с целью убедить москвичей признать Владислава царем. Но ополченцы отогнали его от столицы. Наступало время холодов, и Сигизмунду III ничего не оставалось, как повернуть обратно в Польшу.

Но тут о своих претензиях на русский престол заявили шведы. Они напомнили об обещании новгородских воевод признать царем шведского королевича. Однако в ответ слышали: «Мы потому вам так сказали, чтоб не мешали нам с поляками расправиться. Теперь мы их одолели – можем и за вас приняться. Не желаем видеть шведского королевича на Москве-реке». Русскому народу опротивели чужеземные притязания на московский престол. Время Смуты закончилось, пора было заняться обустройством своего государства, во главе которого стоял бы достойный муж, «из своих, а не иностранцев», православный и соблюдающий русские обычаи.

---

¹ Мало кому известно, что голодающие поляки приспособились готовить еду из... греческих рукописей, найденных в кремлевских архивах. Технология приготовления была невероятно простой: пергаментные рукописи хорошенько вываривали, добывая из них растительный клей, который и шел в пищу.

Как «худородные» Романовы стали преемниками Рюриковичей

Освободившись от чужеземцев, измученная долгими годами Смуты Русь вновь оказалась перед проблемой пустого царского трона. Было решено избрать государя среди своих бояр на Земском соборе². Желающих «примерить на себя шапку Мономаха» объявилось немало. Самыми родовитыми из них были князья В. П. Голицын и Ф. И. Мстиславский, а самыми прославленными – полководцы-освободители Москвы Д. Пожарский и Д. Трубецкой. Оказался в числе кандидатов на русский престол и юный отпрыск «худородных» бояр Романовых – Михаил. На первый взгляд, его шансы были не столь велики, как у его именитых соперников: незнатен, молод, неопытен. Но одно преимущество у него все-таки было – кровная связь с Рюриковичами.

На самом деле происхождение рода Романовых весьма неоднозначно. Историки до сих пор пытаются разгадать многие загадки, относящиеся к его родоначальнику – Андрею Ивановичу Кобыле. Его отец, по наиболее принятому мнению, именовался Гланда-Камбила Дивонович (в крещении Иван). В России он появился в последней четверти XIII века. Был он, по одной версии, выходцем из Литвы или «из Прусс», по другой – из Новгорода. Это входит в противоречие с романовской концепцией русской истории, согласно которой Романовы позиционируются как старинный истинно русский дворянский род, но зато позволяет связать этот род правопреемственностью с Рюриковичами. Вот что пишет в связи с этим автор книги «Династия Романовых. Загадки. Версии. Проблемы» Фаина Гримберг: «Казалось бы, Романовы – совершенно русский род, однако вдруг выясняется, что это не предмет их гордости. Мало того что Романовская концепция подчеркивает связь Романовых (через пресловутую Анастасию³) с династией Рюриковичей и подчеркивает иноземное (норманнская версия) происхождение этой династии, выясняется, что «наш» Андрей Иванович – вовсе даже и «не наш», не Кобыла, другой зверь, куда дороже. Корни его выводились аж из Пруссии, от мифического вождя Видвунга. Подобная версия происхождения Андрея Ивановича попросту не лезла ни в какие ворота».

В различные периоды существования государства политики и историки нередко манипулировали обеими версиями, доказывая правильность той, которая наиболее соответствовала текущему политическому моменту. Ф. Гримберг приводит немало тому примеров: «В период малейшего либерализма историки начинали обставлять это знатное происхождение Андрея Ивановича всевозможными мягкими оговорками, вроде “считался”, или “будто бы”, или “вероятно”. Советские историки отнеслись к “инострannому происхождению” Андрея Ивановича с некоторым вялым пренебрежением по типу: “а не все ли равно?” Совсем иначе обстоит дело с “норманнской версией”. Здесь Рыбаков самолично закопает “обратно в раскопки” всякий скандинавский клинок, обнаруженный в окрестностях Старой Ладogi. . . И опять же – понятно: все-таки Рюриковичи – это начало русской государственности как таковой; и с точки зрения “примата национальности” (а именно на нем основывалась советская историческая наука), русская государственность не должна основываться нерусскими, “иноземцами”. Ибо тогда выходит, что она не государственность, а “игo” . . .» Вот и получается, что, с одной стороны, Романовы – старинный русский боярский род, а с другой – потомки Рюриковичей, т. е. варягов!

Известно, что Андрей Иванович Кобыла служил касимовскому хану, князю Симеону Бекбулатовичу, бывшему при Иване Грозном с 1575 года номинальным правителем России.

---

² Из иностранных претендентов предлагалось избрать на царство «Маринку с сыном», но сомнительное отцовство царевича Иоанна, за что его прозвали в народе «воренком Ивашкой» (от Тушинского вора), и польское происхождение его матери вызывали к ним негативное отношение у народа.

³ Речь идет об Анастасии Захарьиной-Кошкиной – любимой супруге царя Ивана Грозного из династии Рюриковичей.

Тому самому, который после смерти царя Федора Иоанновича выступил против Бориса Годунова. У Андрея Ивановича было пятеро сыновей, ставших родоначальниками многих боярских и дворянских фамилий. В частности, от Федора пошли фамилии Кошкиных и Шереметевых. Юрий Захарьевич Кошкин – боярин при царе Иване III – добавил к своей фамилии вторую часть – Захарьин, а Никита Романович Захарьин писался уже как Захарьин-Юрьев. Что же касается фамилии Романов, то она появилась только со второй половины XVI века, и первым ее стал носить отец будущего основателя династии – Федор Никитич.

Бояре Романовы хотя и считались «худородными», т. е. незнатного происхождения, на протяжении трех столетий занимали видные посты в государстве. Они служили при дворах многих русских государей: князя Дмитрия Донского, царей Василия I, Василия III, Ивана III и, наконец, Ивана IV Грозного. Многие из них отличились на государственной службе, дипломатическом поприще и в ратных делах, проявляя воинскую доблесть и отвагу. Они участвовали в Ливонской войне, походах против Литвы, взятии Казани, помогая своим государям присоединять к России новые земли. Например, Михаил Юрьевич Захарьин, которого за особую близость к царю Василию III называли «оком государя», занимался перевооружением русской армии и отливкой пушек, был псковским наместником, вел переговоры с литовскими посланцами об установлении западных границ государства и законности захвата Смоленска. Боярин Даниил Романович Захарьин, дворецкий Ивана IV, организовывал строительство города-крепости Свияжск, участвовал во взятии Казани и походах против крымцев и литовцев, а Никита Захарьевич занимался реорганизацией приграничных укреплений и сторожевой службы. Однако особый интерес среди Захарьиных представляет Роман Юрьевич – окольничий при царе Иване IV Грозном. Ведь это именно его дочь Анастасия стала царской женой и породнила свой род с последним русским царем из династии Рюриковичей.

Согласно романовской концепции русской истории, царицу Анастасию представляли в виде кроткой и положительно влияющей на супруга женщины. Как пишут авторы исследования «Первые Романовы на российском престоле», изданного в 2000 году, «кроткая и боголюбивая, она умела сдерживать буйный нрав мужа и помогала ему править справедливо и разумно». По сей день она предстает в исторических романах и кинофильмах как некий ангел-хранитель Ивана Грозного. Однако никаких документальных подтверждений для такой характеристики нет. Скупые данные, сохранившиеся об Анастасии, не дают представления о ее личности, а предлагаемый потомкам идеальный образ царицы скорее создан на основе достаточно поздних и отчасти поддельных апологетических писаний, относиться к которым следует с известной долей критичности. Вот как, к примеру, характеризовал выбор в жены Ивану Грозному Анастасии Захарьиной Н. М. Карамзин: «...не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным...». Какие современники и что именно они писали о царице, остается загадкой.

По мнению же современных историков, превозношение достоинств супруги Ивана Грозного было не случайным, и вот почему. Причину столь пристального внимания к ней приверженцев романовской концепции Ф. Гримберг видит «не только в том, что она (первой из Романовых) приблизилась, что называется, «вплотную» к русскому престолу; не менее важно и то, что один из ее сыновей, Федор, царствовал и являлся законным сыном царя (от первого брака, самого законного в глазах церкви). И, наконец, едва ли не самое важное: брак Анастасии и Ивана как бы соединил Романовых с династией Рюриковичей». Вот почему обращение к фигуре матери-прародительнице Анастасии как к истоку будущей царской династии являлось на протяжении трех столетий краеугольным камнем романовской концепции русской истории.

Такие же восхваления возносились в исторических сочинениях и в отношении других представителей рода. Стоит лишь привести подобный панегирик «всемирной любви» к рома-

новскому семейству известного историка Н. И. Костомарова: «Не было тогда милее народу русскому, как род Романовых. Уж издавна он был в любви народной. Была добрая память о первой супруге царя Ивана Васильевича, Анастасии, которую народ за ее добродетели почитал чуть ли не святою. Помнили и не забыли ее доброго брата Никиту Романовича и Филарета, бывшего боярина Федора Никитича, который находился в плену в Польше и казался русским истинным мучеником за правое дело...»

Между тем, исторические факты, приведенные нами выше, свидетельствуют о том, что и Федор Никитич, и его братья – фигуры неоднозначные, противоречивые. И вряд ли многие поступки Федора Романова могли бы вызвать народную любовь. Стоит лишь вспомнить о том, что в Смутное время он находился то в стане Лжедмитрия I, то принял из рук Лжедмитрия II сан патриарха, то пребывал в лагере короля Сигизмунда III. До сих пор остается много неясного в так называемом «польском плену» Филарета: было ли это насильственное задержание или своего рода эмиграция? А по версии Н. М. Коняева, Филарет и вовсе не был увезен в Польшу, а специально направлен московским боярством с просьбой к королю, чтобы его сын Владислав принял Московское государство. Дядя будущего царя, Иван Никитич Романов, также имел немало пятен на своей политической репутации: он не только входил в предательскую Семибоярщину, но и энергичнее других настаивал на сдаче Кремля полякам. Что это, как не прямая измена национальным интересам России?

Но с подачи романовской концепции русской истории все, что было в Смутное время до прихода Романовых, плохо, а с их воцарением стало хорошо. Отсюда крайне негативная оценка, даваемая этой концепцией трем предшественникам Михаила Романова на престоле: Борису Годунову, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому. Между тем, исследования современных историков заставляют пересмотреть отношение к личностям этих правителей и их деятельности. По мнению ученых, намеренное очернение «доромановского» правления – это не что иное, как борьба с соперниками за престол. И чтобы победить в ней, Романовым необходимо было подчеркнуть «незаконность» трех предшественников, возведенных на русский трон, и их собственную «законность». Вскоре им удалось достичь желаемой цели: 21 февраля 1613 года был избран первый царь из Дома Романовых, ставший родоначальником новой царской династии, самой молодой в Европе. Вот только обстоятельства его воцарения оказались весьма противоречивыми или, как сегодня принято говорить, непрозрачными.

Избрание или сговор?

Известный русский поэт XIX века А. К. Толстой в своей трагикомической поэме «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» об избрании Михаила Романова царем писал так:

«Свершилося то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор».

В этих строках скрыт намек сразу на две загадки, связанные с обстоятельствами воцарения Михаила Федоровича. Первая («свершилося то летом») решается просто: царя избрали на Земском соборе действительно зимой, 21 февраля, а в Москву, так сказать, для исполнения своих царских обязанностей, он прибыл только летом. Вторая загадка заключается в том, было ли это честное избрание или «уговор», т. е. «сговор». И вот здесь разобраться не так-то просто.

Официальная версия этого знаменательного события, по словам популярного автора книг по истории России Р. Г. Скрынникова, выглядела так: «В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой Кремлевский дворец был переполнен...» На этом Земском соборе и было принято решение об избрании царем Михаила Романова. Потом, по словам Авраамия Палицына, автора исторического сочинения «Сказание», оно было одобрено народом, собравшимся на Красной площади: «Все возопиша: Михаил Федорович да будет царь и государь Московскому государству и всеа Руския держава».

Прежде чем говорить о том, как проводился этот Земский собор, стоит в целом охарактеризовать земские соборы как выборные учреждения. Исторические документы свидетельствуют о том, что в России они созывались с середины XVI до конца XVII века. Порядок их созыва представить трудно. Они проводились по инициативе царя или аристократической верхушки (боярства). Главными представителями на них были конечно же бояре и дворяне, а также игравшее важную роль в политической жизни страны духовенство. Меньшую часть собора составляли представители народа: посадские люди, горожане и крестьяне. Они сходились по указанию своего господина к помещению, где проходил собор, и, будучи от него зависимыми, «поддерживали своего криками». Таким образом, их представительство сводилось лишь к созданию иллюзии свободного волеизъявления народа.

Еще одним инструментом «сбора общественного мнения» были письма, приходившие от отдельных лиц и групп граждан. В частности, все тот же Авраамий Палицын писал, что на Земский собор 1613 года приходили «писания от дворян, больших купцов, от городов Северских, от казаков». Были посланы в Москву и специальные гонцы с подобными посланиями. Так, по данным хронографа, какой-то дворянин из Галича принес на Собор письменное заявление о правах Михаила Романова на престол, в котором писалось: «како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу». Из этого следовало, что ближе всех по родству с прежними царями сейчас Михаил Федорович Романов и его надобно избрать в цари. Затем появился донской атаман и тоже подал бумагу с прошением об избрании «природного царя Михаила Федоровича». Нетрудно догадаться, как и для чего составлялись подобные бумаги.

Важным условием победы на выборах была организация «ревизии», т. е. материального положения тех претендентов на престол, которые поддерживали самозванцев, за счет «пожа-

лования различных милостей». Как писал летописец, «многие же от вельмож, желаючи царем быти, подкупахуся многим и даючи и обещаючи многие дары». 30 июня 1611 года Земским собором было принято решение конфисковать земли у бояр-предателей, служивших Тушинскому вору. Их приобретения подлежали отчуждению в пользу неимущих участников освободительного движения. А через два года это решение тем же Собором было отменено. Одному из претендентов на царский трон, князю Дмитрию Трубецкому, была пожалована Важская область, а также сохранены основные владения членов Семибоярщины. В то же время князя Дмитрия Пожарского, который попытался похлопотать о выдаче жалованья служилым людям из ополчения, обвинили в попытке их подкупа: с подачи бояр был распушен слух о том, что он истратил на эти цели аж 20 тысяч рублей. Резонно заметить, что, по словам знатока Смутного времени С. Ф. Платонова, даже государева казна не имела тогда такой суммы, а что уж говорить о частном лице! Просто фигура Д. Пожарского как претендента на престол не устраивала не только бояр, но и казаков, которые составляли главную силу московского гарнизона.

Что касается двух других кандидатур – Шуйского и Воротынского, – то они отпали сами по себе, поскольку не смогли достичь согласия между собой. Поэтому основная борьба на Соборе развернулась между Трубецким и Романовым. Чтобы упрочить позиции последнего, накануне заседания Собора было проведено собрание на подворье Троице-Сергиева монастыря в Китай-городе. На нем, по словам Авраамия Палицына, присутствовали «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки». В принятом ими наказе главный упор был сделан на происхождение Михаила Романова: «Понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законныя супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича – сын». Но устраивала эта кандидатура дворян и казаков прежде всего потому, что Михаил был молод и неопытен, и потому они надеялись, что, получив такого царя, они фактически смогут править за него. Да и представителям высшей аристократии это было на руку. Свидетельством тому могут служить строки из письма Федора Шереметева князю Василию Голицыну: «Выберем Мишу Романова, он молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден».

Многие известные историки того времени и наши современники сходятся во мнении, что главной силой, обеспечившей победу Романову, были именно казаки (недаром впоследствии его называли Казацким, или Походным, царем). Вот что писал по этому поводу В. О. Ключевский: «Сам по себе Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество». Вторя ему, С. Ф. Платонов писал: «На Романовых могли сойтись и казаки, и земщина – и сошлись: предлагаемый казачеством кандидат удобно был принят земщиной. Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренняя и велика, и Михаил был избран действительно “единомышленным и невозвратным советом” его будущих подданных». Из этого можно сделать вывод о том, что Романов был избран по соглашению, т. е. сговору двух, наиболее значимых общественных сил.

Один из сторонников романовской концепции современный российский историк И. Л. Андреев считает, что, выбирая царя, русское общество прежде всего желало покончить со Смутой и разрухой в стране. Поэтому «династия Романовых взошла на престол под лозунгами обретения порядка и возврата к старине». Именно в Михаиле Романове «измученное междоусобицами общество жаждало обрести долгожданную “тишину” и всеобщее замирение “безо всяких сердечных злоб”».

Существуют и другие точки зрения на события 21 февраля 1613 года. Оценивая все перипетии воцарения Михаила Романова, Фаина Гримберг категорично утверждает: «Судя по всему, произошел просто захват власти и престола». На наш взгляд, это не совсем верно: все-

таки правильное было бы назвать это избрание сговором, поскольку договаривающиеся между собой стороны полюбовно сошлись на наиболее компромиссной для всех фигуре, а не отстаивали каких-то отдельных претендентов и уж тем паче не шли из-за нее на приступ. А миф о «всенародном избрании» родился уже позже, когда царствующий Михаил Романов, стремясь упрочить «законность» своего пребывания на русском престоле, стал именовать Ивана Грозного своим дедушкой.

Мифическое ослепление было столь велико и живуче, что даже спустя более двух веков в письме великого русского писателя Н. В. Гоголя поэту В. А. Жуковскому можно найти такие восторженные строки: «Как непостижимо это возведение на Престол никому неизвестного отрока! Тут же рядом стояли древнейшие роды, и при том – мужи доблести, которые только что спасли свое отечество: Пожарский, Трубецкой, наконец, князья, по прямой линии происходящие от Рюрика. Всех их мимо прошло избрание, и ни одного голоса не было против: никто не посмел предъявить прав своих». Единственно с чем тут можно согласиться (да простит великий классик!), так это со словами «неизвестный отрок». Юный Михаил Романов действительно был никому не известен, и выбирали его вслепую – он даже в Москве в то время не находился. Никакими добрыми делами, как, впрочем, и грязными авантюрами, сей отрок прославиться еще не успел.

Всю его биографию можно было уместить в несколько строк. Родившийся 12 июля 1596 года мальчик был четвертым ребенком в семье Федора Никитича Романова, которому было суждено рано покинуть родительское гнездо. Ведь, как мы уже знаем, при царе Борисе Годунове все романовское семейство попало в опалу, цель которой, по мнению автора «Нового летописца», состояла в том, чтобы «извести царское последнее сродство». Романовых разлучили: Федор Никитич был пострижен в монахи и сослан в далекий Антониево-Сийский монастырь, его жену Ксению Ивановну (в девичестве Шестову) также постригли в монахини под именем Марфы и отправили в Заонежские погосты, а четырехлетнего Михаила с сестрой Татьяной сослали в заточение на Белоозеро. Чуть позже Годунов разрешил детям вместе с матерью поселиться в селе Клинь Юрьевского уезда, в родовом имении Романовых.

Участь маленького Миши счастливо переменялась с появлением Лжедмитрия I: возвращая всех, кто попал в опалу при Годунове, не забыл он и о прежнем своем господине и его семействе, приблизив их к себе. Остался 12-летний Михаил при дворе и после воцарения Василия Шуйского. Как единственный представитель старейшей ветви рода, он даже получил должность стольника.

Когда Москва оказалась в руках поляков, Михаил Романов с матерью жил в Кремле. Он пережил все ужасы осадного положения и голод, видел, как поляки устроили резню в Китай-городе, лишив жизни 7 тысяч москвичей. А после освобождения столицы вместе с матерью отправился в северную вотчину Романовых – село Домнино Костромского уезда. Но и там им пришлось скрываться от бежавших из Москвы поляков, которые по-прежнему считали, что русский престол должен принадлежать Владиславу, а всех его конкурентов следует уничтожить или изолировать. Вот почему в марте 1613 года большой польский отряд был отправлен в Домнино на поиски Михаила Романова. Но к тому времени тот уже находился в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Как известно, местный крестьянин Иван Сусанин согласившийся показать полякам туда дорогу, намеренно завел поляков в дремучий лес, где и погиб от их сабель, отдав свою жизнь за юного царя. Подвиг Сусанина ни у кого не вызывает сомнения, а вот вопрос о том, почему именно к нему обратились за помощью шляхтичи, не дает покоя многим историкам и поныне. И надо сказать, что ответы на него некоторыми из них даются прелюбопытные.

По одной из версий, самой распространенной, поляки случайно набрали в селе на первого встречного мужика, которым оказался Сусанин. Согласно другой, он был не простым крестьянином, а управляющим романовским имением в Домнино. Однажды, привезя в Ипатьев-

ский монастырь Марфе и ее сыну очередной обоз с продуктами, Сусанин убедил их в том, что оставаться в монастыре опасно и лучше им было бы спрятаться в Домнино. Поляки, узнав о переезде молодого царя, нагрянули в дом управляющего. Сусанин сказал им, что Михаил отправился в лес поохотиться и согласился отвести незваных гостей на его поиски. Дальнейшее известно.

Совершенно иную версию этого события выдвигает автор книги «Первые Романовы. Загадки и мифы династии», петербургский писатель и исследователь Н. М. Коняев. Он предполагает, что имя Сусанина мог назвать полякам... сам Филарет. В подтверждение тому Николай Михайлович приводит разговор Филарета, который в то время находился в Польше с прибывшим из Москвы посольством. Узнав от посланников об избрании «без его ведома» царем своего сына Михаила, Филарет, посланный якобы из России в Польшу для приглашения королевича Владислава на Московское государство, попадает в двусмысленное положение. Чтобы выйти из него, поляки будто бы предложили следующее: «На весну пойдет к Москве королевич Владислав, а с ним мы все пойдем Посполитою Речью. Владислав королевич учинит вашего митрополита патриархом, а сына его – боярином». Исходя из этого, Коняев делает такое предположение: «Мог ли Филарет пойти с поляками на сговор в организации похищения своего сына Михаила? Бог знает... И вопросы личной безопасности стояли перед ним, и боязнь, что без него Михаил все равно не удержится на царском престоле... Ну, а кроме того, как мы знаем, Романовы долго еще оставались “прусаками”; и многие из них, как, например, император Петр Третий, почитали чин полковника прусской армии выше звания русского императора... И сейчас для Филарета могло показаться, что лучше уж выбирать патриаршество для себя и боярство для сына. Лучше, как говорится, синица в руке, а не журавль в небе. Но удержать синицу Филарету Романову не дал никому не ведомый крестьянин Иван Сусанин».

Как бы то ни было, но Михаил Романов остался жив и невредим, и сразу после его избрания царем по всей стране стали приводить население к присяге ему. Между тем, сам монарх... пока еще не знал о возложенной на него великой чести. Поэтому Собор организовал из бояр и представителей духовенства, дворянства и казачества посольство во главе с рязанским архиепископом Феодоритом и боярином Ф. М. Шереметевым, которое должно было найти царя и сообщить ему о своем решении. 14 марта оно прибыло в Ипатьевский монастырь. За святыми воротами их встретили сам новоизбранный царь и его мать, которым архиепископ Феодорит вручил писание Священного Собора. Но вместо радости посланники услышали, по словам Авраамия Палицына, «плач с великим гневом». Избранник категорически отказался стать царем. Поддерживала его в этом решении и его мать, инокиня Марфа, которая поясняла, что «у сына и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем... Он не в совершенных лет, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались». Помимо этих причин, Марфа указала на тяжелое положение в стране, с которым вряд ли сможет справиться ее юный сын: «Московское государство от польских и литовских людей разорилось до конца, прежние сокровища, из давних лет собранные, литовские люди вывезли, дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам, детям боярским и всяким служилым людям и запустошены. А служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»

Уговоры посланников подействовали только тогда, когда они убедили Михаила, что его отказ приведет к новым распрям и кровопролитию. Но, учитывая сложную ситуацию в государстве, молодой царь не стал спешить в Москву. Кроме того, ему надо было освоиться с новой для себя ролью государя «всея Руси», изучить сложившееся положение в стране. Да и что грех таить: и Михаил, и его мать опасались того, что могут стать заложниками, как у воевод-освободителей, так и у просто враждебных Романовым отрядов ополченцев, которых было доста-

точно в столице. А поскольку собственного войска он не имел, то приходилось формировать вокруг себя круг верных людей, которые могли бы в случае необходимости его защитить.

С учетом всех этих факторов первое царское путешествие в столицу продлилось полтора месяца. За это время Михаил послал немало грамот боярам и правительству, касающихся тех или иных вопросов развития страны. Так, в грамоте от 8 апреля он выговаривал правительство за беспорядки и повсеместное разорение и строго вопрошал: «Чем нам ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружечникам и оброчникам всякие запасы откуда брать?» А еще царь указал боярам на недопустимость распоряжения землей без его ведома, предупредив, что они не в праве ни у кого отнимать поместья и отдавать в раздачу без сыску.

По пути в столицу к молодому царю присоединилось множество людей, в том числе и служилых. 25 апреля он устроил смотр всем своим приближенным: дворянам, стольникам, стряпчим и прочим. Общее число их оказалось столь велико, что в официальных грамотах их стали называть собором, т. е. собранием людей с широким сословным представительством. Тогда же Михаил создал приказ Большого дворца, который стал заведовать дворцовыми и монастырскими селами и землями, собирать в них «корм» для государя и его свиты. Видное место в нем занял Борис Салтыков, родственник царя по матери.

2 мая 1613 года наконец-то состоялся торжественный въезд в Москву новоизбранного царя, которого на всем пути до Кремля люди встречали «во мнозе радости в весели со кресты и с честными иконами». Как водится, сначала он посетил главные кремлевские храмы: Успенский и Архангельский соборы, где отстоял торжественный молебен и побывал в усыпальницах прежних царей, считающихся его сродниками. А накануне дня рождения Михаила, 11 июля, состоялось торжественное венчание его на царство. Необходимо отметить, что в проведении этой церемонии появилось два новшества. Первое состояло в том, что во время обряда миропомазания царь передал атрибуты власти приближенным: царский венец – дяде И. Н. Романову, скипетр – Д. Т. Трубецкому, державу – Д. М. Пожарскому (по другим данным, князь Трубецкой «за платьем ходил», а державу нес В. П. Морозов). Тем самым он хотел примирить всех и оказать им честь, подчеркнуть, что в своем правлении будет опираться на представителей разных кругов общества: как он доверяет им атрибуты царской власти, так будет и советоваться с ними по важнейшим вопросам. Вторым нововведением стало то, что Михаил распорядился во время церемонии венчания всем придворным чинам быть «без мест», т. е. без зафиксированной в разрядах должности. Это должно было предупредить возникновение местнических тяжб между присутствующими на торжестве. Так в истории России появился третий выборный царь, которому суждено было стать первым венценосцем новой царской династии.

«Благоверен, зело кроток же и милостив»

Многие историки, особенно прошлых веков, утверждали, что власть Михаила Романова так же, как и Василия Шуйского, изначально была ограничена. В частности, Григорий Котошихин писал, что «царь Михаил Федорович, хотя самодержцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего». А В. Н. Татищев вообще считал, что царь отдал все управление боярам, чтобы самому жить в покое. По словам же Котошихина, с Михаила были взяты даже определенные обязательства: «быть нежестоким и непальчивым, без суда и без вины никого не казнить ни за что и мыслить о всяких делах с боярами и думными людьми сопча, а без их ведома тайной явно никаких дел не делать». И действительно, если судить по последующей характеристике, которую давали царю современники, ни жестокостью, ни вспыльчивостью он вроде бы не отличался: «Сей убо благочестия рачитель присно восхваляемый благоверный и христоробивый царь и великий князь Михаил Федорович, всея Руси самодержец, бысть благоверен, зело кроток же и милостив».

Чуть ли ни слово в слово повторяет эту характеристику известный историк XIX века С. М. Соловьев: «Наконец, должно заметить, что личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производила на народ самое выгодное для верховной власти впечатление». Однако эту мягкость и кротость вряд ли можно расценивать как проявление зависимости от боярской власти. Скорее они присутствовали у него всегда и были обусловлены либо его личными чертами характера (достоверными сведениями на этот счет историки, увы, не обладают), либо политической целесообразностью – ведь недаром даже уже в зрелом возрасте более тридцати лет правившего страной Михаила по-прежнему называли «благоверным, зело кротким».

В отличие от предшественников, большинство исследователей XX века на основе переписки молодого царя с боярами сомневаются в том, что он получил ограниченную власть. Взять хотя бы аргументы, приводимые в связи с этим С. Ф. Платоновым: «Избрав царя не от королей и князей, а от бояр, Собор стал охранять его, как своего избранника, готовый в нем защищать свое единство и свой восстановленный земский порядок. Со своей стороны, избранный Собором государь не видел возможности без содействия Собора править страной и унять “всемирный мятеж” и даже не желал принимать власть и идти к Москве, пока Собор не достигнет прочного успокоения государства. Выходило так, что носитель власти и народное собрание не только не спорили за первенство своего авторитета, но крепко держались друг за друга... Сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее земский совет к полной солидарности».

Хотя нарисованная Платоновым картина выглядит несколько идеализированной и подслащенной, думается, она все же была недалека от реальности. Автор книги о первом Романове Л. Е. Морозова справедливо отмечает: «В послесмутное время было уже невозможно управлять страной в одиночку. Если раньше, особенно при Иване Грозном, московские люди осознавали себя холопами, слугами царя, то Смута показала роль народа в государстве... В таких условиях авторитарная власть была обречена на провал. Выросло самосознание различных слоев населения и накал страстей в обществе. Управлять страной надо было иначе. Поэтому активное привлечение царем Михаилом Боярской думы и Земских соборов в самом широком составе нельзя считать проявлением слабости его власти... В новом способе управления страной отразилось понимание Михаилом и его окружением ситуации в стране».

А вот с другим, не менее распространенным мнением о том, что вначале правления Михаил принимал решения под влиянием матери, отца и ближайшего окружения родственников, нельзя не согласиться. Что касается инокини Марфы, то С. Платонов полагал, что в годы правления Михаила она не вмешивалась в государственные дела, а лишь управляла «своим

родом». Но если учесть, что именно из представителей этого рода по женской линии и состояли тогда двор и правительство, то, значит, она фактически принимала участие в управлении государством. Еще большую роль в упрочении царской власти сыграл отец Михаила, прибывший в Россию в 1619 году (некоторые исследователи полагают, что это произошло еще в 1616-м) и ставший патриархом.

Филарет смог вернуться из Польши лишь на шестой год правления сына, после того, как предпринятый польским королевичем Владиславом осенью 1618 года очередной поход на Москву провалился. Благодаря сокрушительной победе, одержанной над поляками русским войском во главе с Дмитрием Пожарским, 1 декабря того же года было подписано с Речью Посполитой Деулинское перемирие на 14,5 года. По его условиям в 1619 году был произведен размен пленных. Как указывал Н. М. Коняев, «для покоя христианского» поляки согласились написать «отпуск митрополита Филарета Никитича и князя Василия Васильевича Голицына с товарищами, полоняникам размену и городам очищение и отдачу на один срок, на 15 февраля по вашим святцам, а по нашему римскому календарю февраля 25». Обмен состоялся 1 июня на большой Дорогобужской дороге. Для этого через речушку Поляновка было сделано два моста: по одному должен был ехать Филарет с московскими людьми, по другому – Струсь с литовскими пленниками. А 14 июня сам царь встречал отца неподалеку от Можайска. И уже через десять дней в Успенском соборе Филарет во второй раз был посвящен в патриархи.

История с возведением в сан Филарета, по мнению Н. М. Коняева, не так уж проста и очевидна, как это может показаться на первый взгляд. Для выбора главы автокефальной Русской православной церкви было достаточно решения Собора русских иерархов. Однако Михаил, видимо, не был уверен в том, что патриархом изберут человека, запятнанного связью с самозванцем, и потому пригласил в Москву иерусалимского патриарха Феофана. Это вряд ли отвечало церковным канонам. Дальше – еще интереснее. Оказывается, что грамоты, данные Феофаном при этом избрании, а также Собором русских архиереев в 1619 году, не сохранились. По официальной версии, они сгорели во время пожара в 1626-м. Филарет попросил у иерусалимского владыки новую грамоту, взамен сгоревшей, и тот за небольшое вознаграждение исполнил его просьбу. Но документ этот оказался покороче первого и не содержал всей истории избрания. Тогда Филарет обратился к Собору русских архиереев, и они дали ему то, что нужно.

Как бы то ни было, но после избрания патриарх Филарет, по мнению историков, «стал фактическим правителем России». Одним из свидетельств тому служат строки из «Истории Русской церкви», написанной митрополитом Макарием, в которых речь идет о государственной деятельности Филарета: «Сделавшись патриархом и великим государем, он был твердою опорой для своего юного сына, опытным советником и мудрым руководителем во всем, обуздал своеволие бояр, проявившееся в первые годы царствования Михаила Федоровича, укротил “сильников” земли, укрепил и возвысил царскую власть». Митрополит подробно рассказывает о настоящем «соправлении» Михаила и Филарета: «Подданные писали и подавали свои челобитные не одному царю, но вместе и великому государю святейшему патриарху, бояре делали свои доклады о государственных делах перед царем и патриархом, многие указы издавал царь, многие грамоты жаловал не от своего только имени, но и от имени своего отца, великого государя и патриарха. Иностранные послы представлялись царю и патриарху вместе в царских палатах, а если патриарх почему-либо там не присутствовал, то представлялись ему особо в патриарших палатах с теми же самыми церемониями, как прежде представлялись царю. Из переписки, какую вели царь и патриарх, когда один из них отлучался из Москвы на богомолье, видно, что они извещали тогда друг друга о текущих государственных делах и спрашивали друг у друга совета, что царь охотно принимал советы своего отца и иногда отдавал на его волю поступить, как признает нужным, и патриарх действительно распоряжался иногда по своему личному усмотрению без указаний от царя».

Как старший в семье Романовых, Филарет помог сыну в усмирении и обуздании не в меру распустившихся родственников, которые все больше и больше злоупотребляли своей властью. Многие из них были отправлены в ссылку, откуда вернулись только после смерти владыки. Такое «соправление» отца и сына продлилось 14 лет, до самой кончины Филарета 7 октября 1633 года.

А что же сам Михаил Федорович? Таким ли уж «пустым местом» он был? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться к событиям, происходившим в первые годы правления молодого царя. За период с 1613 по 1618 год, т. е. до возвращения в Россию своего фактического соправителя Филарета царь активно занимался организацией органов управления, решением вопросов, направленных на выведение страны из тяжелого экономического положения после долгих лет Смуты, защиту ее от иноземных посягательств, упрочение царской власти. Авторы книги «Первые Романовы на российском престоле» обращают внимание на то, что в первые годы правления Михаила не было ни одной опалы, ни одного удаления от должности за «прежние измены». Даже вопрос о расхитителе царской казны Ф. Андронове и ярых сторонниках короля Сигизмунда и королевича Владислава был оставлен на усмотрение народа: «Как всяких чинов и черные люди об них приговорят». Такая политика способствовала росту популярности молодого царя среди всех слоев населения». Абсолютным диссонансом всему этому стал факт жестокой расправы над Мариной Мнишек и ее малолетним сыном Иваном. Рассматривая его, Ф. И. Гримберг пишет: «По распоряжению Михаила было осуществлено публичное, при большом стечении “скликанных” людей, повешение четырехлетнего Ивана, сына Марины Мнишек. С этой беспрецедентной, именно вследствие своей публичности, казни мальчика фактически началось правление Романовых».

Такое же мнение высказал и Н. М. Коняев, назвав эту казнь «знаковым событием начала правления Михаила», в котором «сказался весь характер прорвавшейся к власти династии». Вот как он описывает страшные подробности убийства малыша, названного в царском указе «злым сорняком вражеских смут»: «Четырехлетнего мальчика, имевшего несчастье стать конкурентом Михаила Романова, по его приказу повесили возле посаженного на кол атамана Ивана Мартыновича Заруцкого... Ему было четыре года, и телу его не хватало веса, чтобы затянуть петлю. Несколько часов ребенок висел так, еще живой, и никто не знает, задохнулся он или – была зима, метель – замерз в петле. Во всяком случае, оба они, и ребенок, и взрослый, долго еще были живы, и мучения другого дополняли собственные мучения. Воистину перед этой первой казнью, устроенной Романовыми, блекли зверства Иоанна Грозного».

Еще одним нелицеприятным фактом стала расправа Михаила с освободителем Москвы князем Дмитрием Пожарским. Когда Б. М. Салтыков, состоявший в родстве с Романовыми, учинил против полководца иск о бесчестье, царь решительно указал Пожарскому на его место и выдал его своему родственнику. Стражники отвели защитника Отечества от царского дворца к крыльцу его обидчика. По этому поводу романовский апологет Н. Г. Устрялов писал: «Суд нелицеприятный, кротость без слабости, твердость без жестокости приобрели Михаилу всеобщую любовь высших сословий. Низшим угодить было нетрудно: народ благословлял небо, даровавшее отечеству царя православного, царской крови, спасителя веры, прав, нравов и обычаев, более ничего не требовали». Что тут еще добавить? Сам того не подозревая, историк точно сформулировал натуру первого Романова: «кротость без слабости, твердость без жестокости». Вот только с жестокостью чуток ошибся. Да и о кротости Михаил забывал, когда дело касалось его личных интересов. И впервые это случилось при выборе царской невесты.

Царская женитьба – дело государственное

Испокон веку для каждой венценосной особы заключение брака было не столько личным, сколько государственным делом. На Руси долгое время в личной жизни монарха строго торжествовало византийское имперское начало, выразившееся в браке по смотринам, введенном Софьей, супругой Ивана III. Хотя наряду с этим уже при Иване Грозном наблюдались попытки возродить традицию династического брака. И Романовы были бы не против установить родственные отношения с королевскими династиями Европы, но те не спешили с ними породниться.

Еще до возвращения в Россию Филарета мать Михаила стала хлопотать о женитьбе сына. Ему уже исполнилось 20 лет, и пора было позаботиться о наследнике престола. Выбор старицы Марфы пал на Марию Хлопову из семейства, не принадлежавшего к особо знатному роду. Объяснение тому простое: Романовы, не уверенные в прочности своей власти, опасались того, что брак с представительницей одного из видных княжеских или боярских родов может привести к подножию трона ее знатных родственников, а те могут вполне закономерно отстранить впоследствии их от престола. Но чтобы еще раз напомнить всем о связи Романовых с династией Рюриковичей, юной нареченной царя по старинному византийскому обычаю дали новое, «царское» имя – Анастасия и поселили ее во дворце «для обирания его государевой радости». Но с заключением брака решено было повременить до приезда Филарета.

Тем временем ближайшие родственники Хлоповой были включены в число придворных, что, видимо, пришлось не по нраву другим именитым семействам, которые сами были не прочь породниться с царем. В результате вокруг избранницы стал свиваться клубок интриг. Вскоре у нее вдруг обнаружилась странная и опасная болезнь, проявляющаяся в частой рвоте, которая якобы препятствует деторождению. Эти сведения сообщили царю его окольные Борис и Михаил Салтыковы (племянники старицы Марфы), которым и было поручено выдавать Марии лекарства, назначенные лекарями. Однако, несмотря на лечение, состояние девушки не улучшалось. В связи с этим был срочно созван Собор, который постановил лишить Хлопову звания царской невесты и сослать ее со всей родней сначала в Тобольск, а затем в Нижний Новгород. Но думается, что решающим в судьбе девушки стали не только козни знатных бояр, а и брачные планы относительно сына, вынашиваемые Филаретом. Ведь еще до ее ссылки он предпринимал несколько попыток поискать ему невесту в иностранных правящих домах: писал и посылал послов к датскому королю Христиану, чтобы получить его согласие на брак Михаила с его племянницей Доротеей Августой, через шведского короля Густава Адольфа пытался высватать ему сестру бранденбургского курфюрста Екатерину. Однако ничего из этого не вышло: датский монарх в то время болел и оставил обращения Филарета без ответа, а бранденбургская принцесса отказалась менять свое католическое вероисповедание на православное.

После этих неудач снова вспомнили о бедной Хлоповой. В 1623 году девушку вернули в Москву и дело о ее «болезни» пересмотрели. Оказалось, что она вполне здорова, а «супостаты» Салтыковы возвели на нее напраслину. Теперь уже их обвинили в том, что они «государевой радости и живота учинили посмешку», и выслали из Москвы. Но, несмотря на это, царской женой Мария-Анастасия так и не стала: видимо, тому воспротивилась мать Михаила, обидевшаяся за ссылку племянников.

Между тем Михаилу исполнилось уже 27 лет, а он все еще оставался холостым. Исправить положение взялся Филарет: по его инициативе 19 сентября 1624 года царь женился на боярыне Марии Владимировне Долгорукой. Но опять беда... Уже на следующий день молодая царица заболела и через три с половиной месяца умерла. Очевидно, что и на этот раз не обошлось без происков «супостатов», но кто стоял за ее безвременной кончиной, за неимением достаточных сведений вряд ли станет известно...

Новые смотрины невест устроили в январе 1626 года. В назначенный срок 60 самых знатных девиц в окружении родителей и родичей собрались во дворце. При каждой из них была прислужница из менее знатного рода. Но ни одна из претенденток царя не заинтересовала. Тогда старица Марфа предложила провести смотрины ночью и в отсутствие родственников. Во дворце были оставлены только претендентки и по одной их прислужнице. В полночь Михаил в сопровождении матери обошел спальни девушек и наконец-то выбрал себе суженую. Вот только оказалась она не знатной боярыней или дворянкой, а... прислужницей, дочерью Можайского мелкопоместного дворянина Лукьяна Стрешнева Евдокией. Обескураженная Марфа стала протестовать против такого выбора, который мог обидеть и оскорбить знатные фамилии. Вот тогда-то Михаил и проявил свою «кротость без смирения», твердо заявив, что его избранницей будет только Стрешнева и никто другой. Мать вынуждена была сдаться и смириться с невестой «со стороны».

Легенда гласит, что весть об избрании Евдокии царской невестой застала ее отца за полевыми работами в Можайском уезде, где находилось его нехитрое владение: небольшое поле да простая изба. Поначалу Лукьян Степанович решил, что послы ошиблись адресом, и поверил им только тогда, когда они вручили ему государеву грамоту, дары и царские одежды. После свадьбы дочери, которая состоялась в феврале 1626 года, ему были выделены отдельные роскошные хоромы в царском дворце, но, говорят, что старик, живший всю жизнь очень скромно, в одной из комнат повесил особую занавеску. За ней он хранил свою прежнюю одежду и орудия труда для полевых работ как напоминание о том, что «земное величие суета и что Бог одним словом может тебя обратить в ничто». Такой же скромной «золушкой» на троне оставалась и его дочь – царица Евдокия.

Большинство исследователей считают, что выбор Михаилом невесты из незнатного рода был сделан по политическим соображениям. Помня о горькой участи своих предыдущих избранниц, он, видимо, не хотел повторения сословных интриг. Чтобы обеспечить безопасную жизнь своей супруге и будущим детям, царь предусмотрительно потребовал от своих подданных крестоцеловальную запись на верность не только себе, но и Евдокии, и наследникам.

Однако политика политикой, но были, видимо, у Михаила и Евдокии взаимные чувства, которые сделали их брак на редкость удачным. По словам современников, супруги жили в любви, мире и согласии, и только при описании последних лет их совместной жизни с грустью отмечалось, что стало у них «не по-прежнему». Уже через год после свадьбы в семье появилась первая дочь – Ирина, ставшая любимицей Марфы. А всего у царской четы родилось десять детей: семь дочерей и три сына, один из которых – Алексей – и станет наследником престола, продолжив теперь уже царскую династию Романовых.

С личной жизнью первых Романовых, и Михаила в частности, неразрывно связано представление о них как о людях, приверженных к старине, к давним русским традициям и обычаям. Так, авторы книги «Первые Романовы на российском престоле» неоднократно подчеркивают, что «дворцовый быт царя Михаила в сравнении с образом жизни последующих монархов был достаточно скромным и простым». Об этом они судят по устройству его личных апартаментов (покоев), одежде, предметам обихода, особому ритуалу царских обедов, подаваемых на них блюд, описанию русских праздников и забав, в которых он принимал участие. Единственная особенность, характерная для частной жизни царя Михаила, – его любовь к разведению цветов. Более того, на этом поприще он прославился тем, что впервые в России стал разводить махровые розы.

Точка зрения о культивировании династией Романовых давних русских традиций доминировала в исторической науке вплоть до нынешнего столетия. Но сейчас некоторые историки, в частности Ф. И. Гримберг, считают, что пресловутая приверженность к «стародавности» не что иное, как еще один из мифов романовской концепции русской истории. Вот что она пишет по этому поводу: «Бытовой уклад первых Романовых с его ориентальными особенностями».

стями историки зачастую именуют “стародавним” и даже “исконно русским” укладом. Подобное мнение едва ли можно признать верным. Нетрудно заметить, изучая источники, что первоначальный уклад жизни частной и государственной в древнерусских княжествах сходен во многом с обычаями скандинавов и угро-финнов...

Уже при Иване III бытовой уклад резко византизируется. Разумеется, это можно связать с его женитьбой на византийской царевне; но правильнее будет саму эту женитьбу поставить в связь с царствующей византийской ориентацией московского князя. Начиная с Ивана III русские правители все более осознают себя преемниками византийских императоров.

И, наконец, достаточно поздно, уже в царствование Ивана IV Грозного, создается на основании византийских поучений знаменитый “Домострой”. Нетрудно понять, что изложенные в нем правила были для русского уклада внове. Рудименты старинного уклада сохранялись достаточно длительное время в самых различных областях России и в самых различных формах...

При Иване Грозном продолжается начатая его дедом интенсивная византизация бытового уклада царской семьи, развиваются элементы ритуальной пышности и восприятия царя и его близких в качестве сакральных особ...

Но именно при первых Романовых эта “византийственность” быта обретает как бы предельную степень. Воспитание маленьких царевичей уже совсем не напоминает воспитание княжичей Древней Руси. Дети Михаила Федоровича и Алексея Михайловича проводят свои дни в тесных душных покоях, окруженные на византийский манер шутами и “дураками”, окруженные ритуализованными действиями многочисленной прислуги. Уже при Иване III меняется парадный, выходной костюм правителя. Если прежде только плащ да богатство кольчуги и прочего воинского снаряжения отличало князя от его дружинников, то теперь характерным становится длиннополое роскошное одеяние. Прежний князь – воин и военачальник, нынешний царь – священная особа, сам едва ли не священник...»

К этому стоит добавить, что в правомерности такого взгляда на частную жизнь первых Романовых убеждают не только приведенные Ф. Гримберг аргументы, но и многие государственные начинания и реформы, которыми занимался Михаил Федорович Романов в течение 32 лет своего правления.

Первые шаги самой молодой династии Европы

Первому царю из династии Романовых почти два десятилетия пришлось решать три жизненно важные для страны задачи: окончание военных действий с соседними государствами и усмирение своих подданных, не отошедших еще от бурных событий Смутного времени; выведение российской экономики из застоя и разорения; укрепление царской власти вообще и рода Романовых на престоле в частности. И только последнее десятилетие его правления можно считать относительно мирным и вполне благополучным.

В первые годы после избрания главной заботой Михаила стало восстановление военной организации государства. Воссозданием его боевой мощи занялись Разрядный, Стрелецкий и Пушкарский приказы. В 120 городах были назначены новые воеводы, осадные и стрелецкие головы, проведены осмотр и ремонт крепостей, перепись военного имущества. Все это было крайне необходимо, ибо молодому царю приходилось вести войну на два фронта: с Речью Посполитой и Швецией, которые по-прежнему претендовали на российский престол. Затяжная борьба со шведами шла с переменным успехом: в наступлении в Новгородской земле и на Карельском перешейке удача сопутствовала шведской армии, а под Псковом, Тихвином, в Заонежье и Южном Беломорье – русской. В этих условиях самым оптимальным решением спорных вопросов было перемирие. Именно эту проблему вынес Михаил на обсуждение Собора в сентябре 1616 года. Необходимо было решить, в какой форме заключать со шведами мир: отдать ли деньги или города, обещанные им еще В. Шуйским. Коллективное мнение было единым: отдать города, так как денег в государстве нет. В результате заключенного в феврале 1617 года Столбовского мира Швеция возвратила России Новгород, Старую Руссу и другие города и уезды, а русская сторона уступила шведам Корелу, Копорье, Орешек, Ям и Ивангород. Таким образом, ценой потери выхода к Балтийскому морю Московское государство избавилось от военной угрозы одного неприятеля. Достигнуть мира со вторым оказалось сложнее: не обращая на слабые попытки Михаила вернуть в 1615 году Смоленск, польские войска под номинальным руководством королевича Владислава перешли в 1617—1618 годах в наступление на Москву. Однако взять ее приступом им не удалось. А вскоре ситуация в Речи Посполитой потребовала скорейшего возвращения королевича на родину, и поляки пошли на переговоры. В результате перемирия на 14,5 года, подписанного в селе Деулино, Россия вынуждена была уступить Польше Смоленск, Невель, Дорогобуж, Рославль, Почеп, Трубчевск и другие города, получив назад не менее значимые для страны Вязьму, Козельск, Мещовск, Серпейск, Стародуб, Новгород-Северский, Чернигов, Перемышль и Заволжье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.